

Алексей Просвет

г. Энгельс

Крёстная

(Продолжение. Начало в № 9–10/2016)

– Чтобы я не озябла, на плечи мне осторожно накинул пальто... – Тихо напевала песни Антонина, пока резала молодую крапиву. И вспомнился ей один случай, когда они с Еленой пели эту песню.

Однажды зимой, когда Антонина приехала в гости к Лёньке и Елене в Алексеевку, то оказалось, что Лёнька уехал в район, а Елене надо было срочно в сельсовет. Вот и попросила она Тосю подождать в доме, а заодно и за Людой и Ниночкой приглядеть. Вместе запрягали в сани лошадь. Выезжая со двора, Елена обещала вернуться через час, а чтоб дорога была короче, поехала она в сельсовет по льду через реку, как все деревенские сокращая путь. Тося же осталась в доме с Ниночкой и Людой. Тут-то, видно, и случился Божий промысел. Ниночка в ту пору только-только начала говорить, сидит она в кроватке и показывает пальчиком на окна, говоря: «Мама», а Тося ей отвечает:

– Да Ниночка, оттуда мама приедет, к маме хочешь? – берёт на ручки Нину и подходит к окну, откуда видно зимнюю дорогу через реку. Видит она, что Елена уже возвращается из сельсовета по этой дороге, как вдруг лошадь проваливается под лёд, а с ней и Елена на санях.

– Господи, спаси! – только и успела сказать Тося, и в чём была одета, в том и выбежала на улицу. Со всех ног, без валенок бежит к реке и кричит:

– Лена, Леночка! Я сейчас, милая, бегу! Держись, родная!

Не чувствуя под собой ног и снега, доходящего до колен, выбежала на лёд и не раздумывая бросилась в воду.

– Лена, распрягай сани, не то лошадь утянет и тебя на дно! – кричала Тося. – За лёд, если что, держись, течение сильное, как бы под лёд не попасть.

– Не могу, Тося, не могу! Руки не двигаются, совсем замёрзли, – отвечала Елена.

Тогда Тося принялась за дело сама. Слава Богу, сани одной лыжнёй зацепились за край полыньи и держались наполовину в воде. Получилось. Как только отвязала сани, так лёд окончательно сломался.

– Вылезай, Лена, я помогу, – сказала Тося.

– Не сможем, Тося, не выберемся мы с тобой. Зря ты за мной в воду-то.

– Да ты что, Лена? Выберемся! Дома и Люда, и Ниночка без присмотра.

Попробовали ещё раз – и никак, подламываются края полыньи, и промокшая одежда тянет ко дну.

– Снимай с себя шубу и валенки, не то потянут они тебя. Лена, снимай, говорю!

– Скинула!

– Тося, смотри, лошадь лёд копытами ломает, за вожжи держись, – может, и нас вытащит. Держись, говорю, вытянет.

Взялись они за лошадь по бокам.

– Но-о-о, милая! Давай, тяни, родимая! Вытаскивай, голубушка! – кричала Елена.

И лошадь, словно понимая, что от неё хотят и что нужно делать, стала ломать копытами лёд и грудью пробиваться к берегу. Вытянула!

Поднимались к дому по сугробам, босые, мокрые, уставшие и замёрзшие.

– Тося, гляди, платок твой лежит. Наверное, с плеч слетел, ты его и потеряла, когда бежала, – поднимая платок сказала Елена.

– Ой, и правда. Вот Николай расстроился бы. Он ведь мне его недавно подарил.

Зашли в дом.

– Людка, быстро ставь чай, – скомандовала Тося, – пока мать лошадь в хлев ставит, я баню топить.

После бани сидели Лена и Тося за столом и пили чай с мёдом и малиновым вареньем. Молчали. Первой заговорила Тося:

– Нет, Ленк, хороша, ничего не скажешь. «Тося, гляди, платок потеряла», – с дружеским укором изобразила она Елену.

– Ты, Тоськ, тоже хороша: «Ой Николай огорчится», – передразнила она Тосю. – Если бы не лошадь, вот только бы один платок от нас и остался. – В этом момент осознали они до конца случившееся с ними. Обнялись и заплакали, а глядя на них, и Люда с Ниночкой заплакали тоже. После чая налили себе по стопочке домашней настойки в лечебных целях и запели.

– Чтобы я не озябла, на плечи мне осторожно накинул пальто...

Вернулся Лёнька, увидел, что те сидят за столом, спросил, что это девочки среди бела дня сидят как две кумушки. А те отвечают, что они и есть кумушки, и переглянувшись, опять в слёзы и к Лёньке на грудь.

После этого случая у Елены начались первые приступы эпилепсии. Уж и к бабкам ходили, и чего только не пробовали. Вроде прекратилось. А вот после смерти Лёньки возобновились, сильнее и чаще.

– ...А вчера расставались с ним вечером, Уходить не хотел ни за что.

Чтобы я не озябла, на плечи мне

Осторожно накинул пальто... – напевала Антонина, сидя у крыльца с крапивой.

– Утречка вам доброго, баб Тонь, – крикнул кто-то из-за калитки.

Она обернулась и увидела Серёжку, местного мужика, любившего выпить.

– А, это ты, Сергей, ну проходи, коль пришёл. Нужда или ещё какие дела?

Подойдя к Антонине, Серёжка поздоровался ещё раз.

– Здравствуй, баб Тонь, Бог в помощь.

– Спасибо, и тебе того же. Чего пришёл так рано?

– Я... это самое... баб Тонь, – начал неуверенно Серёжка, – слышал, что к тебе в гости из города нынче приедут, так вот, хоч, я те пару вёдер яблочков принесу?

– На кой они мне?

– Не тебе, а твоим городским. В этом году ещё рано для яблок, не успели. А у меня с того года в погребе хранятся. Каждое яблочко отдельно в газету завернуто было для сохранения, одно к одному, сладкие! Вот и угостишь. Что они там у себя в городе видят? На рынках ихних химия одна, а тут витамины, опять-таки натурпродукт. И всего ничего за это прошу. Пол-литра твоего натурпродукта. Ну а что?

– Ох, как заговорил. Поди из дома всё уже вынес да пропил? До погреба добрался? Вот Катька твоя узнает! И я ей скажу тоже.

– Да на кой они Катьке? Ни она, ни я их не едим. А коль так, что же им зря пропадать? А ты своих яблочками угостишь. Ребятишки, небось, приедут? Вот как раз сладкие, сочные из погреба прохладные, – стал расхваливать яблоки Серёжка.

– Ай, ну тебя, тоже расхваливаешь, и сама знаю, что сладкие.

– Я не хвалюсь, баба Тонь. Это же, как её? А, во! Реклама. А она, как говорится, двигатель торговли.

– Ладно, тащи свои яблоки. Дам тебе пол-литра, – и Антонина, оставив крапиву, пошла в чулан за самогонкой. «Вот ведь пастьх Петька, – догадалась Антонина, что к чему, – Серёжку послал, глупый-то глупый, а когда нужно выпить, вмиг сообразит».

Налив из фляги самогонки, она вышла на крыльцо, а Серёжа уже с двумя вёдрами во дворе стоит, ждёт, да и ещё и за пазухой яблочек принёс.

– Вот, баб Тонь, принёс, даже больше, это на современном языке называется «бонус». Ежели твоим яблоки понравятся, так, это самое, дай знать, ещё принесу.

– А что ж ты так быстро вернулся? Наверное, уже заранее приготовил и за забором оставил? Ладно, бери свои пол-литра и ступай с Богом. Хотя постой. Высыпь ведра возле летней кухни в тень. Прохладней будут, не нагреются.

– Конечно, баб Тонь. Ребятишкам с дороги как раз по нраву придутся, – и Серёжка, взяв ведра, высыпал их в тени, а пустые поставил рядом, взял пол-литровку и пошёл до калитки.

– Постой, Серёжа, что ж ведра-то? – окликнула Антонина.

– Да шут с ними, после заберу. Некогда. К тому же примета плохая – с пустыми ведрами дорогу кому-нибудь перейду, – ответил тот.

– Так тож бабы с пустыми ведрами...

– А, – махнул рукой Серёжка и скрылся за калиткой.

– Вот ведь невтерпёж, – сказала она вслед.

– Мужики, мужики, ох-ох-ох-ох-ох-ох, – и продолжила резать крапиву, тихонько напеваючи:

– Отцвели Саратовские вишни,

Занялся над Волгою рассвет,

А тебя не видно и не слышно,

А тебя со мною рядом нет.

Дорезав крапиву, Антонина пошла в курятник, кормить кур и цыплят.

– Ешьте, мои хорошие, ешьте, всем хватит.

Покормив цыплят, она зашла в дом проверить тесто. Почти поднялось. Вдруг она услышала, как во дворе гавкнула собака и что-то звякнуло. Выглянула за дверь.

– А, это ты, Цыган, нагулялся и вернулся? – перед дверью сидел небольшой чёрный пёс в ошейнике, а по земле за ним волочилась полутораметровая цепь. Пёс поскуливал и вилял хвостом.

– Что, жрать захотел? Вон, доедай свою курицу, паразит. Вот дед сейчас вернётся, он тебе покажет кузькину мать! – отчитывала пса Антонина, а тот взглядом выпрашивал у неё положенную ему миску с едой.

– Пошли, дам тебе поесть. Знала, что вернёшься голодный, оставила с вечера, – сменив гнев на милость, позвала она пса.

Накануне вечером пёс Цыган вырвал из своей будки гвозди, на которых была прибита его цепь, стал бегать по двору, радуясь свободе, и ловить курей, одну из которых успел задушить зубами. Это увидел дед Николай. Схватив попавшуюся под руку мышь, он прошёлся ею Цыгану по спине. Тот взвизгнул и убежал на улицу через щель в заборе. Такое случалось и раньше. За 12 лет своей жизни на цепи пёс Цыган вытворял и не такое, но с годами ему простилось многое. Ведь для стариков он стал больше, чем просто пёс.

Сейчас он ел из своей миски, виляя хвостом, и покорно ждал возвращения в цепное заточение. Антонина уже было собралась прибить цепь к будке, но, вспомнив, что молоток в кладовой около сарая, передумала, потому что боялась туда заходить.

– Ладно, Цышка, пока на проволоку цепь твою прикручу, а дед придёт – на гвоздь её приколотит, – прикрутив цепь, Антонина с опаской покосилась на кладовую около сарая.

– Ух, колдун проклятый, чтоб тебя черти в аду изжарили, – сказала вслух Антонина и трижды перекрестилась, – Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй.

Хлопнула калитка, вернулся дед Николай, держа в руках болоньевую сумку. Увидев его, пёс Цыган поспешил спрятаться в своей будке.

– А, увидел, что дед вернулся? Чуешь, чем пахнет? – сказала Антонина псу, а потом обратилась к деду: – Что-то уж больно скоро вернулся. Конечно, залил в себя с утра пораньше горячего – и протез не помеха, летаешь как Чкалов.

– Тося, – ответил дед Николай, поняв, что дело в пол-литровой банке, – ты за меня не переживай, заправил я полные баки, чтоб на дозаправку где-нибудь не сесть. Ты не волнуйся, мой гирокомпас в норме.

– Ой, смотри, не встань на крыло, а то потом где тебя искать.

– Не встану, я курс по карте сверяю. На свой аэродром всегда вернусь.

– Ага, как же, вчера ночью в сених спать упал. Что, не дотянул? – засмеялась Антонина.

– Вчера видимость была ноль! Шёл по приборам, – отвечал, переводя всё в шутку, дед Николай. А при посадке шасси не до конца открылось, – постучал рукой по протезу, – вот и пришлось садиться на фюзеляж, не дотянув до ангара, – заулыбался дед Николай, стал разглаживать усы, лукаво поглядывать на Антонину, и уже было потянулся к ней, чтобы ущипнуть.

– Ой, кобель, ну кобель! – засмеялась над ним Антонина. А в глубине души всё равно стало приятно.

А дед Николай подошёл поближе, обнял и поцеловал в щеку.

– Уйди от меня, дед, колючий ты и перегаром дышишь!

– А помнится, раньше не жаловалась.

– Нашёл, чего вспомнить. Отстань, люди увидят. Старый, а всё одно на уме. Эх, бесстыжий, – а потом спросила: – Ну что, яйца-то продал?

– Продал, на станцию ходил. Сразу все и продал. А до базара-то далековато, да и к тому же ногу сводит. Видно, к дождю.

– Да, давненько дождя не было, – поглядывая на небо, согласилась Антонина. – Пошли на лавку присядем.

– Пойдём, а то я с дороги умаялся.

Они прошли к калитке по дорожке и присели на лавочку у крыльца.

– Николай, а в сумке что принёс?

– Ах, это я так, в лабаз зашёл, конфет прикупил шоколадных, гостинцев, да и так, разных сладостей по мелочи.

– А зачем же так много? Полная сумка?

– Да то ж не всё конфеты. Я ведь мимо Фёдора проходил. Он мне мяса всучил, с того поросёночка. Вчера не стал брать – не дошёл бы, ну а нынче как раз к столу будет.

– Сколько там?

– Да кило четыре будет, может, больше. Чистое, одна мякоть, – ответил дед, а Антонина заглянула в сумку.

– Ну, Николай! Ну, бестолковый! Зачем мясо на конфеты положил, ведь помнутся?!

– Не бойсь, они из холодильника, что им будет? Лучше поддержи сумку, сейчас вытащу их, – и вытащил из сумки конфеты.

– Ой, дед, хорошие-то какие взял. Ненашенские, наверное. Видать, дорогушие. И хватило?

– Ничего, хватило. У меня ещё в значке было. Вот я и решил, что сегодня всё равно за праздничный стол. А раз такое дело, можно и подороже и получше купить. Побаловать малость, нечасто ведь приезжают.

– И то верно, – вздохнула Антонина. – Ну, хватит, чёй-то мы тут с тобой расселись. Ты лучше сходи в кладовку и припей гвоздик к будке, Цыган вернулся.

– Вернулся-таки, сучок?

– Ага, пришёл, ну ты его не тронь, хватит с него. Я его на проволоку привязала, в кладовку побоялась заходить.

– А чего бояться-то? Поплевала три раза через левое плечо и зашла, – усмехнувшись ответил дед Николай.

– Не веришь? Да? А я тебе говорила, не надо было этого мужика пускать в летнюю кухню на постой. Хоть и деньги предлагал хорошие. Здоровье-то на них не купишь. Говорили мне, колдун он, а ты – «брешут, брешут». Вот и пожалуйста. Зашла в кладовую взять топор, а у меня ноги отнялись. Шутка ли это? Месяц лежать не вставая. Говорю тебе, наговорил он заговоров разных на инструменты, чтобы нас со свету сжить. А я в церковь ходила свечки ставить. Вот порча к нему его и вернулась. Помер. А я потому полтора года в кладовую и не захожу.

– Да чушь это всё, Тося. Сам он помер, а не от порчи. Понапридумываете чертей, ангелов, потом сами боитесь. Я вот на фронте сколько не летал, но ангелов твоих ни разу не видел. И когда меня сбили, тоже не видел. И космонавты говорят, что в космосе ничего не видели. Нет, значит, их.

– Вот накажет тебя Боженька за такое. Типун тебе на язык, старый.

– Сплюнь!

– А-а, значит, веришь?

– Всё, пойду за молотком, – сказал дед Николай и встал с лавки.

– Ага, ступай, а я в дом. Блинов и пирогов напечь надобно.

И разошлись они по своим делам.

Зайдя в дом, Антонина прошла в комнату, чтобы взять из комода фартук. Заодно поправила белые кружевные накидки на перине и подушках. Осмотрелась – всё ли в порядке, и произвольно остановила взгляд на старых фотографиях, висевших в рамках на стене. Присела на стул и стала их разглядывать. Посмотрела на самую большую фотографию, где они с Николаем сидят рядом, а она, склонив голову ему на плечо, улыбается, и подумала: «Вот и жизнь прошла. На фотографии нам с Николаем по 20 с небольшим и коса у меня чёрная как смоль, длинная. Вот кто бы тогда думал, что эта фотография спустя целую жизнь будет радовать. Молодые были и стареть не собирались». Потом она принялась разглядывать другие фотокарточки, что стояли по несколько штук в одной рамке.

«Вот и мамка Прасковья рядом с дедом и отцом. Мамке тогда самой-то на том снимке лет 18, а то и меньше, девчонка ещё, очень старая фотография, перед самой коллективизацией сделали. А на этой уже Лёшка с Леной на свадьбе, начало 50-х. А вот и Ниночка, когда только родилась, и Люда школьница рядом с ней стоит, 60-й год. Теперь-то Ниночке уже за 40, а Людочке, выходит, 50, – стала подсчитывать в уме Антонина. – Господи, да они уже сами скоро с внуками будут, если уже не стали. А деткам ихним тогда сколько же? Мамочки мои, да они уже взрослые, а я до сих пор думаю, что им всё ещё по 10. Конечно, жизнь не стоит на месте. Ой, глупая, я-то им в гостинцах всё конфеты покупаю, – думала с сожалением Антонина. – Последний раз приезжал Миша, Ниночкин муж, один, и то два года назад. А Люда и того реже приезжает. Забыла совсем про нас. Но мы-то ладно, лишь бы они с Ниночкой роднились. Они хоть и родные сестры, но совершенно разные и живут по-разному. Люда – бухгалтер, как же, всегда в достатке, а Ниночка в долгах как в шелках. Да и как же не быть, ведь почти одна троих детей тянет. И характер у них разный. Люда – солидная женщина, своего не упустит. А Ниночка открытая, последнее отдаст. Ну точно в Лёнку пошла».

Смотрела на пожелтевшие снимки и пыталась припомнить, какой из них, когда и при каких обстоятельствах был сделан. Остановилась на одном снимке, где были запечатлены брат Лёшка с семьёй. Одеты просто, по-деревенски. Вот видно, что у Люды волос на солнце выгорел, наверное, только с реки прибежала. Много хранят фотографии. Вытащила карточку из рамки перевернула её и прочитала надпись, сделанную чернильной ручкой: «Сестрёнке Тосе от брата Алексея и Елены, а также от крестниц Люды и Нины».

Посмотрев на дату подписи, подсчитала, скоро сорок один год будет, как подарили ей эту фотографию: «Крестницы, крестницы, что ж вы приезжаете так редко? Одни вы у меня. Жива ли, здорова ли Леночка?»

Скрипнув дверью, в дом вошёл дед Николай.

– Тося, ты где? Всё готово! – крикнул он из сеней.

– Тут я, – отозвалась Антонина.

– А ты чегой-то расселась?

– За фартуком зашла, присела отдохнуть.

– После отдохнём, крестницы с минуты на минуту должны быть.

– Где уж там, есть ещё время, автобус к обеду приезжает.

– Так то ж автобус, а Люда прошлый раз на машине приезжала.

– Да уж, Люда на автобусах не ездит. Или на своей, или с предприятия служебный транспорт выписывает. Вот, может, с собой и Нину с ребятами прихватит, а то что ей на билеты тратиться.

– Прихватить-то, может, и прихватит, а деньги на бензин попросит.

– Так ежели машина с предприятия казённая.

– А что у нас, казённые машины без бензина ездить стали? Да и Люда, сама знаешь.

– Да уж, – вздохнув, ответила Антонина.

– Так ежели что, завтра дадим денег. Ведь по нашей вине трата у них вышла.

– Что ты, Тось, болтаешь. Ведь знаешь, не скажет и не возьмёт.

– Да уж, – опять вздохнула Антонина.

– Да уж, да уж, – передразнил её дед Николай. – Заладила, пошли делами заниматься.

– Пойдём, Коленька, – Антонина достала из комода фартук и пошла на кухню. – Дед, а ты куда? – остановила она направляющегося во двор деда Николая.

– Так надо же из кладовой краску, лопаты, всё достать, – ответил он ей.

– Что ж ты, старый, прям с ходу крестницам в руки лопаты и кисти дашь? Успеешь ещё. Работать будем завтра. А нынче просто посидим. Чай, не на день приедут, а с ночёвкой, – а потом добавила: – Даст Бог, и на вторую ночь останутся, – уж очень ей этого хотелось.

– Дай Бог, дай Бог, – согласился дед Николай.

– Ты лучше вот что сделай, – попросила Антонина, – слазь в погреб, достань картошку, варенье, солений разных.

– Сделаем, – уходя, буркнул дед Николай.

Антонина рассыпала муку по столу, вывалила на него тесто и стала делать пирожки с яблочным повидлом.

– Тось, а ты с луком и яйцом будешь делать? – вернувшись за ключами, поинтересовался дед Николай.

– Буду, Коля, и с мясом делать.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, а я в погреб, Тось, – и вышел во двор.

– Ступай, ступай, – ответила Антонина и продолжила лепить пирожки.

Поставив пирожки в духовку, она достала из буфета красивые тарелки для особых случаев.

– Дед! – позвала Антонина. – Открой мне банки, а то сил у меня не хватает.

– Сейчас, Тось, вот картошку поставлю вариться в летней кухне и открою, – отозвался с улицы дед Николай.

– Тогда заодно прихвати оттуда скатерть новую, на стол накрой.

– Тось, а сидеть-то где будем? В летней или в доме?

– Во дворе, Николай, будем, во дворе. В доме жарко. Я наварила, накипятила, напарила. Душно будет. А в летней тесно. При-

ехать должны все. А на улице хорошо, – и вдруг вспомнив, добавила: – Николай, совсем забыла, в погребе две бутылки вина стоят. Достань, а то ведь не все крепкое будут пить.

– Приказ понял, товарищ командир. Иду на снижение. Пополнять боеприпасы, – и опять полез в погреб.

– Всё кривляешься? – крикнула вслед Антонина. – И картошка сразу стала не нужна, – но дед Николай её уже не слышал.

Поднявшись из погреба, Николай крикнул:

– Тось, а Тось!

– Чего ещё?

– А нет их там. Вспомнил я, что мы же весной ходили к Наде на день рождения, вот и брали с собой. Так что в магазин идти надо.

– Ладно, чего уж там, своё пить будем.

– А крестницы, а Матвей и Федя придут? Так им прям противопоказано свыше 40 градусов. Как ни крути, а в магазин бежать придётся.

– Хорошо только, чтоб не крепче настойки.

– Тосенька, как скажешь. А деньги-то где?

– Где и всегда.

– Ну, тогда пойду. Я мигом. Туда и обратно, – дед Николай зашёл в дом, взял деньги и вышел на крылечко.

– Стой, ошалелый. Банки мне открой.

– Ну да, точно, совсем забыл, – вернулся дед. – Вот, пожалуйста, твои банки, – отчитался он, открыв их.

– Стой, – снова остановила его Антонина.

– Ну чего у тебя опять?

– А картошку ты поставил варить?

– Ой, ёлки-палки, забыл, – стукнул себя по лбу Николай.

– Вот поставь и иди себе с миром. Ты её хоть почистил или так, в мундире поставил?

– Обижает, мать, неужто совсем без памяти.

– Как за настойку услышал, так память у тебя начисто и отшибло.

– Тьфу ты, ядрён батон. Тут, можно сказать, боевой вылет, причём дальний. А она с картошкой пристаёт.

– Ну лети, лети, только смотри, чтоб без дозаправки.

– Да я туда и обратно. Истребителем. Одна нога тут, другая где-то в Польше, причём давно уже, – пошутил дед Николай.

– Иди, тоже мне, истребитель. Кукурузник – вот ты кто, – засмеялась Антонина.

– Ну пошёл, – и обняв Антонину, поцеловал её в щеку.

– Вот я тебя полотенцем, развеселился он.

– Всё, ухожу, ухожу, – надел на голову снятую в сенях с гвоздя кепку и сдвинул её на затылок, свернул болоньевую сумку, сунул в карман и вышел во двор. Пройдя три шага по дорожке, он вернулся и зашёл в летнюю кухню. Выйдя через минуту, крикнул:

– Тось, я картошку поставил, так что смотри, – и направился по дорожке к калитке, напевая только что выдуманный мотив. – Жди меня, и я вернусь. Только очень жди.

Вытащив из духовки противень, Антонина поставила печься вторую партию пирожков. Присела на стул.

– Ну дед, ну баламут. Что-то он разговорился. Уж не втихую ли где спрятал. А ну-ка, схожу посмотреть, что он всё время в летней кухне делает, – поднявшись со стула, пошла в летнюю кухню, а зайдя туда, сразу же увидела лежащий на столе кусочек хлеба с салом. Посмотрела в ящик стола и нашла пустой стакан. Понюхала. Пахнет водкой.

– Вот паразит, – стала рассуждать вслух. – Пользуется случаем. Куда же он её спрятал? – и заглянув за стол, увидела чекушку. – Вот поганец, теперь не отшутится. Ну, только вернись, – поглядела на бутылку. – Батюшки, да ещё и половину успел оприходовать! Ну вот что ты с ним будешь делать? Такого и могила не исправит. Тьфу, тьфу, тьфу, – сплюнула три раза через левое плечо, постучала по столу.

Забрав бутылку, Антонина пошла в дом печь блины. Пекла на двух сковородках,

только успевала, что переворачивать да маслом смазывать.

– Лена, ты Кольку не видела? – крикнув с кухни, спросила Тося

– Там он, в кладовой, с Лёнькой стеллаж делает. А чего хотела?

– Чтоб масло сливочного с погребя принёс, а то я отойти не могу, блины сгорят.

– Тось, давай я спущусь?

– Ну чего ещё удумала, тебе в твоём-то положении только по погребам и лазить.

– Да перестань, Тось, всего пять месяцев.

– И что? Ты вот лучше вставай рядом, если хочешь помочь. Сейчас мы в две пары рук блинов с тобой быстро напечём.

– Давай, Тось. На следующую Масленицу мы с Николаем ждём тебя у нас.

– Обязательно придём. А что, мамка не приехала?

– Не здоровится ей. Обещала, если поправится, то на Прощённое воскресенье приедет.

– Ну, даст Бог. Слушай, Лен, а я что придумала-то.

– Чего ты придумала, Тось?

– Мы с Николаем сами в четверг поедem к ней. Вот и пусть Колька к теще на блины в гости пожелует.

– Ой, конечно, приезжайте. А то мне скучно. Лёнька на день по делам уезжает. А мамка Прасковья по хозяйству. И меня не допускает ни до какой работы. Всё говорит мне, что уже живот видно. Да к тому же рожать в первый раз.

– Как, Лен, страшно?

– Чего страшно?

– Ну, рожать?

– Ах, это не знаю. Месяца через три начну бояться, – улыбнулась Лена.

– А как назовёте?

– Людмилой назовём!

– А если мальчик?

– Нет, девочка!

– Откуда знаешь?

– Нам с Лёней бабка Лукерья сказала.

– Что, до сих пор жива?

– Жива. Всё так же к ней люди ходят со своими недугами. А она помогает.

– Ну, раз бабка Лукерья сказала, значит, так оно и есть. Она ещё ни разу не ошиблась. Ой! – спохватилась Тося. – Масло-то совсем уже кончилось.

– Я сейчас парням крикну, – вызвалась Елена и вышла на крыльцо.

– Лёнька, Коля! – позвала она с крыльца, но в ответ услышала лишь стук молотков. – Не слышат, крикну ещё раз. Лёнька, Лёнь! Коль, Николай! – стук прекратился и из кладовой вышел Лёнька.

– Что случилось, Лен?

– Масло кончилось! Достаньте из погреба.

– Я-то подумал, всё готово. Ладно, сейчас, – ответил Лёнька, и Лена зашла в дом.

– Сказала, Тось. Сейчас принесут, – и встала рядом с Тосей.

Минуту спустя в дом вошли Лёнька и Николай:

– Вот, девчат, вам ваше масло, – сказал Лёнька. – О, да тут же целая гора, – обрадовался он блинам.

– Мы с Тосей ещё с творогом хотим сделать, – сказала Лена.

– А с мясом будете делать? – поинтересовался Николай.

– Будем, Коль, будем, – ответила Тося.

– Вот и хорошо, как раз под бутылочку.

– Кто про что, а лысый про расчёску, – одёрнула его Тося.

– Нет, Тось, ты тоже интересная такая. А Великий пост начнётся – ни спиртного, ни мясного на столе не будет ни грамма.

– Николай, что я слышу? – удивилась Лена. – Ты никак поститься начал?

– Ага, как же, сейчас. Это Тося постится, и мне с ней придётся. Так что семь седмиц ни рыбы, ни мяса, ни винца не видать.

– Будешь много болтать, на весь пост в другую комнату переедешь.

– Всё понял, молчу.

– А ты, Коль, ко мне приезжай в пост, – предложил навеселе Лёнька. – В этом году у меня Лена пост держать не будет. Дочке нашей витаминки будут нужны и Лене тоже. А то родит слабенькую да шупленькую, а в

доме помощница нужна, – Лёнька улыбнулся и приобнял жену.

– Ну всё, Тоська, решено, собирай вещи. Еду, – шутя сказал Николай.

– Давай, давай, скатертью дорожка. Провожу под марш славянки, – и засмеялась.

– Кстати, а что мы без музыки, – с этими словами Николай пошёл в спальню ставить пластинку. Вернувшись в кухню, произнёс:

– Моё мнение такое: в доме всегда должна быть музыка. Вот Лёнька молодец, на гармони играет. А мне медведь на ухо наступил. А вот без музыки не могу, поэтому приходится в район за пластинками ездить, – и Николай стал пританцовывать на кухне, завлекая Тосю в танец.

– Отстань! – стала отказываться Тося. – Не видишь, занята? Вот я тебя сковородой по голове! Вроде двадцать шесть уже, а бестолковый, как мальчишка.

– Прошу пардона, мадам, я хоть и старше вас, но в душе сорванец.

– Вот посмотри – Лёнька на пять лет младше тебя, а серьёзней будет.

– Ой-ё-ё-ёй. Да я, если хочешь знать, если надо, могу быть и серьёзным.

– Лёш, а поиграй нам на гармони, – попросила Лена, – и нам с Тосей будет веселей, и Николая уважишь.

– И впрямь, заводи, Ляксея, что-нибудь позаводней, – поддержал Николай.

Лёнька достал гармонь и стал играть. Весело у девчат спорилась работа под смешные и немного хулиганские напевы. А после накрыли на стол. Сели праздновать.

– А что ж Федя с Надей не пришли? – спросил Лёнька Тосю.

– Мы их ещё за два дня звали, а они у Надиных родителей уже запланировали отлучаться.

– Что ж, тогда будем начинать без них. Ну, с Масленицей всех! – поздравил Лёнька.

– И тебя так же! – ответили все в один голос.

– Давай, Коль, ты как старший, тебе и делом командовать, – сказал Николаю Лёнька.

– Вот это правильно, – согласился Николай, – к этому делу я отнесусь со всей серьёзностью, – и подмигнул Тосе.

– Тось, а у вас с Николаем когда же ребяташки будут? – спросила Лена.

– Вот я и говорю, – согласился с вопросом Николай. – Рожай мне, Тося, сына, вон, говорю ей, у Лены и то скоро будут, хотя свадьба в том году была, а мы женаты четыре года. Вот Федька, щегол, младше меня, а второго уже ждут с Надькой.

– Успеем ещё, – ответила Тося, – к тому же Федька младше тебя только на полгода.

– Всё равно, где это видано, чтобы пехота авиацию общегоять смогла.

Посмеялись, пошутили, а после семейного застолья пошли к Дому культуры, смотреть, как сжигают соломенное чучело.

– Смотрите, – сказал Лёнька, показывая на чучело. – Его Лена делала и раскрашивала, она и афиши для клуба рисует.

– Вот уж не знал, что ты и в Дому культуры принимаешь активное участие, – удивился Николай.

– А говоришь, скучно дома одной, – добавила Тося.

– Нет, это просто меня один раз подруга попросила. Художник у них заболел. К тому же писать афиши – это не по хозяйству управляться.

– Училась где?

– Нет, рисовать нигде не училась. Это от природы само собой получается.

– Она один раз слона с лошадиными копытами нарисовала, – вспомнил Лёнька, а Лена толкнула его в плечо ответила смущаясь:

– Ну где бы я видела слона в полный рост? Так, только на картинках – и то не полностью. Я же потом переделала?

– И не жалко тебе, Лен, что такую красоту сейчас будут сжигать? – глядя на соломенное чучело, с сожалением спросила Тося.

– Нет, Тось, не жалко. Я его быстро сделала. А если тебе его жалко, то я тебе такого же сделаю. Можешь его во дворе поставить или перед домом.

– На кой он мне дома?

– Да хоть Николаю как ориентир поставишь, когда он подшофе возвращается, – пошутил Лёня.

– Зачем мне это чучело из соломы? Я к своим дорогу всегда найду, – и поцеловал Тосю.

– Ну что, – сменил тему Николай. – Пошли на ярмарку. Там, говорят, товару много привезли. И подарки будут. Так что за мной. Пока ваши Алексеевские все не разобрали, – скомандовал Николай и повёл их за собой.

(Продолжение следует)

ЛЮБОВЬ ЧЕРЕНКОВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
Евангелины

ПОВЕСТЬ 12+

Союз писателей
АИФК

По программе «Новые имена современной литературы»

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/2210/desc/prikljuchenie-evangeliny

